

Ю. О. Андреева

СОСЕДСТВО С «ДРУГИМ»: КОНТАКТЫ, СЕТИ И ГРАНИЦЫ (НА ПРИМЕРЕ МОЛОКАН АРМЕНИИ)

АННОТАЦИЯ. Рассматривается тематика межэтнического соседства в Армении. Молокане, или «духовные христиане», — религиозная группа, возникшая во второй половине XVIII в. в Тамбовской губернии. В первой половине XIX в. по указу Николая I из центральных губерний России они были высланы в Закавказье и сегодня представляют собой этноконфессиональное меньшинство. Долгое время молokane проживали изолированно в селах, что позволило им сохранить свои религиозные и этнические обычаи, язык и эндогамные браки. В XX в. многие из них были вынуждены переехать в Ереван и жить уже не компактно в кругу «своих», а внутри «чужого» народа. Молоканское сообщество не является анклавом, но молokane обозначают границы между собой и «другими», ищут работу через сети своих и поддерживают отношения с единоверцами за рубежом. Несмотря на популярные нарративы о строгих нравах молokane, их изоляции и двух параллельно существующих мирах, они довольно тесно вплетены в постсоветское, в том числе армянское, общество. Статья опирается на полевые материалы автора 2018–2019 гг., собранные в ходе трех поездок в Армению.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: молokane, соседство, сектанство, этноконфессиональное меньшинство, Армения, Закавказье

УДК 174+39:130.123(479.25)

DOI 10.31250/2618-8619-2020-4(10)-157-167

АНДРЕЕВА ЮЛИЯ ОЛЕГОВНА — к.и.н., м.н.с. отдела этнографии Кавказа, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)
E-mail: julia.o.andreeva@gmail.com

ВВЕДЕНИЕ

Малые этнические группы, сохраняющие свою идентичность в чужом окружении, встречаются, наверное, в каждом национальном государстве. Временами такое соседство утрачивается, а в памяти сохраняется набор устойчивых стереотипов и воспоминаний о контакте (см., например: Алексеевский 2013). Порой в ходе миграционных процессов появляются новые соседи. Разумеется, к «другим» нередко относятся с настороженностью и недоверием, наделяют их особенными качествами и способностями, в то же время отзывы о «чужаках» могут быть и положительными. Во многом это относится и к обсуждаемой в статье этнорелигиозной группе.

Республика Армения представляет собой этнически гомогенное государство. Согласно переписи 2011 г., армяне составляют 98 % всего населения. К численно незначительным меньшинствам относятся езиды¹ (1,2 %), русские (0,4 %) и др. Русские включают в себя мигрантов разных периодов, но самые заметные среди них — молокане. По официальным данным десятилетней давности, всего насчитывалось 2872 молоканина (Результаты переписи населения 2011).

Молокане оказались в Закавказье в первой половине XIX в., когда по указу Николая I были высланы туда из центральных губерний России как представители «особо вредных сект». Они поселились преимущественно на территории современного Азербайджана и Армении. Название группы, скорее всего, связано с тем, что так последователей «духовного христианства» именовали официальные власти за то, что они не придерживались церковных постов и потребляли в постные дни скоромное, в том числе молоко. Библия является основой их вероучения, а религиозное собрание представляет собой чтение и толкование библейских цитат, пение псалмов и моление. Молокане отвергли священство, почитание икон и мощей, многие религиозные обряды. Религиозная группа много раз раскалывалась на множество толков, но сегодня в Армении сохранились два основных — «постоянные» и «духовные» (прыгуны). «Постоянные» считают, что они восходят к первоначальному учению XVIII в. «Прыгуны» выделены как отдельное течение в середине XIX в. в Армении, для них характерна экстатичная молитва, «говорение в духе» и наличие пророков.

Молокане косвенно оказались участниками колонизации Закавказья, пришлыми чужеземцами, которые проводили границы между собой и принимающим сообществом. В первые десятилетия жизни в Армении они особенно строго запрещали браки с любыми иноверцами, в том числе с православными (Долженко 1992: 13–14). Однако неконформистские поселенцы на Южном Кавказе не воздвигали расовых преград и не эксплуатировали труд коренного населения, что было характерно для многих белых колоний (Breyfogle 2005: 5–6).

Кавказский наместник И. И. Воронцов-Дашков в своем отчете 1913 г. отмечал, что первые русские переселенцы в Закавказье быстро осваивались с окружающей средой. В основном они были двуязычными — русский плюс какой-нибудь из местных языков, который постоянно нужно было использовать в быту. При этом существовала и обратная ситуация: соседство и контакты с русским населением способствовали овладению коренными народами русским языком. Хотя переселенцы жили изолированно, но находились близко к местным селениям и между ними происходило интенсивное общение (Исмаил-Заде 1982: 86). Однако, наряду с практиками взаимопомощи, экономического, технологического и культурного обмена, между коренными народами и сектантами в Закавказье были конфликты, в частности из-за земли. Также, особенно на первых порах, религиозные диссиденты подвергались насилию и грабежам со стороны местного населения (Breyfogle 2005: 174–175).

Долгое время молокане проживали в селах, что позволило им сохранить свои религиозные и этнические обычаи, русский язык (а иногда и мордовский²) и эндогамные браки. Географическая

¹ Идентичность езидов также основана на религии, они живут бок о бок с армянами и также не ожидают понимания своих обычаев (Melkumyan 2016).

² Среди молокан есть не только русские переселенцы, но и мордва.

и социальная изоляция стала одним из факторов сохранения идентичности и традиций. В XX в., как в 1930–1940-е, так и в 1990-е годы, в ходе миграций из села в город многие из них были вынуждены переехать в Ереван и жить уже не компактно в кругу «своих», а внутри «чужого» народа. Распад Советского Союза повлек с собой перемены не только в политической, экономической, но и этнической сфере бывших республик единого государства. Многие русские «вернулись» из бывших союзных республик на родину, в Россию (Вишневецкий 2000: 120–121), что случилось и с русскоязычным населением Армении, однако некоторые остались, считая себя, по сути, коренными жителями в чужой стране.

Исследования, посвященные молоканам, чаще всего касаются истории группы, особенностей ее вероучения. Этнографическое изучение проводилось в основном в сельской местности. С. Е. Никитина приводит лингвокультурологическое описание конфессиональных культур молокан, духоборцев и старообрядцев. В частности, она рассматривает два территориальных варианта молоканской культуры, задействуя в том числе материал из Армении (Никитина 2013). Многие из ее статей посвящены фольклорным сюжетам молокан, их представлениям об эсхатологии, сотериологии и космологии (см., например: Никитина 1998; 2016). И. В. Долженко много лет занималась изучением русских в Армении, и, конечно, в своих трудах она уделяет внимание молоканам, прежде всего проживающим в селах Фиолетово и Лермонтово, истории их заселения и современным обычаям (Долженко 1985; 1992). Сборник «Духоборцы и молокане в Закавказье» стал одним из результатов этноэкологических экспедиций ИЭА РАН 1986–1990 гг. в русские селения Армении, Грузии и Азербайджана. В него вошли статьи, касающиеся особенностей жизни в сельских общинах, компонентов питания, антропологического облика русских, миграционных процессов и занятости в профессиональных сферах (Духоборцы и молокане в Закавказье 1992). Отдельные экспедиции проводились с целью изучения молоканского пения в области этномузыкологии (Савельева 2015). Айкуи Мурадян проводила исследование в столице и показала, что наличие молоканки-домработницы является маркером принадлежности к элите в современном армянском обществе (Muradyan 2016).

В центре моего внимания следующие вопросы: как молокане выстраивают отношения с этническим большинством и как сосуществуют с ним в современной независимой Армении? Как они поддерживают отношения с единоверцами?

Статья опирается на полевые материалы автора 2018–2019 гг., собранные в ходе трех поездок в Армению³, преимущественно в Ереван, но также в села Фиолетово и Лермонтово Лорийского района. В силу того, что молокане неохотно соглашались на запись интервью и фотографирование (подробнее см.: Андреева 2018), основными методами были наблюдение и неформальные беседы до и после религиозных собраний и праздников.

ДИАСПОРЫ И МЕНЬШИНСТВА

Этнические меньшинства — мигранты или индигенные группы — нередко проживают в строго определенных замкнутых районах и образуют анклавов, где они общаются, работают и учатся. Однако описываемое в статье сообщество совсем не относится к таким примерам. Если молокан, проживающих в исторически закрепленных за ними, еще хоть как-то можно ставить в один ряд с анклавными, то столичные жители разбросаны по всему городу и не образуют единого микрорайона. Несмотря на то что ереванцы нередко говорят о «молоканских» кварталах и улицах, на сегодняшний день это просто места, где находились или находятся религиозные собрания или ранее были места их торговли. Молокане рассредоточены в разных частях города, нередко проживают в многоквартирных домах. Как сообщил мне один из собеседников, семья его брата — одна

³ В первую экспедицию я ездила с моей коллегой Амалией Пртавян. Благодарю ее за сотрудничество и эмоциональную поддержку в поле.

на весь квартал, поэтому, в частности, все его пятеро детей свободно говорят на армянском языке.

Среди таких сообществ Роберта Медда-Виндишер выделяет старые и новые меньшинства; ко вторым относятся мигранты, а к первым — так называемые «исторические, традиционные и автохтонные меньшинства», лингвистически, культурно и религиозно отличающиеся от других членов общества. Они приобрели такой статус по историческим (например, изменение границ государств) или политическим причинам. Во многих случаях их «соотечественники» (co-ethnics) могут быть количественно или политически доминирующими в другом государстве, т.е. иметь «национальную родину» (Medda-Windischer 2017: 26–27) (и это как раз наш случай), но иногда меньшинства могут не иметь государственности совсем (Michna, Warminska 2020). Молокане относятся к историческим религиозным меньшинствам, изгнанным за свою веру и сопротивление властям в чужие и далекие края и оказавшиеся волею судеб за границей того государства, в котором были этническим большинством.

Изучение взаимодействия малых этнических и религиозных групп с сообществом большинства многие годы развивается в рамках исследования диаспоры, миграции, транснационализма. Исследование диаспоральности строится на еврейской традиции (Cohen 2008: 34), но существует масса других примеров принудительного перемещения, в том числе в наши дни. Современные концепции диаспоры используют разные дисциплинарные подходы и включают в себя понимание меняющихся отношений между приезжими и принимающими странами «с точки зрения как тех, кто переехал, добровольно или нет, так и принимающих обществ, в которых они находятся» (Quayson, Daswani 2013: 3). В нашем случае эти меняющиеся отношения строятся на протяжении почти двух веков, когда «пришлые» хоть и были вынужденными переселенцами, однако относились к этническому большинству Российской империи, а в конце XX в. стали подданными другого национального государства. Разумеется, это в первую очередь изменение юридического статуса, а в повседневном контексте они все время должны были контактировать с чужаками, мало ориентировавшимися на постановления далекого «центра».

Ученые деконструируют концепцию диаспоры, считая само понятие сильно упрощающим существующую реальность. В частности, они обращают внимание на два основополагающих момента — дом/родина и этническое/религиозное сообщество. Понятие «дома» оказывается сейчас все более расплывчатым, а «этнические группы следует растворить в составных частях и окружающем контексте, так чтобы они были разделены гендером, классами, расой и другими сегментами общества и охвачены миром интерсекциональности, мультикультурализма и изменчивости» (Cohen 2008: 9). Такой подход кажется мне плодотворным, поскольку группа молокан, со стороны кажущаяся целостной и узнаваемой, на деле оказывается разрываемой гендерными, возрастными и даже богословскими противоречиями.

АРМЕНИЯ — ДОМ

Роджерс Брубейкер указывал, что, несмотря на разногласия в интерпретации понятия «диаспора», в нем почти всегда остаются три ключевых элемента — рассеивание, ориентация на родину и поддержка границ (Brubaker 2005: 5–7). Эти черты мы в определенной степени наблюдаем и в изучаемом сообществе, однако восприятие «дома» и «родины» оказывается неоднозначным. Гириш Дасвани, исследующий современную миграцию, утверждает, что этнические мигранты, возвращающиеся домой, часто оказываются между двумя или множественными мирами и социально-экономическими реалиями. Они начинают задаваться вопросом, где на самом деле «дом» и стоило ли им вообще возвращаться. Многие из них продолжают поддерживать связи с местами, в которых они жили в течение стольких лет, воспроизводя социальные привычки, кулинарные предпочтения и материальную близость (material intimacies) с принимавшим обществом. «Дом» определяется не возвращением, а различными способами установления интимных связей и разъединений (Daswani 2013: 37–38).

Отъезд в Россию может осмысляться молоканами как возвращение, но обычно это просто одна из опций смены места жительства, наряду с Австралией и США. Несмотря на возросшую миграцию, есть и настроения, что оставаться в Армении необходимо, поскольку сюда привел Господь: «Когда молокане уходили из России, было такое пророчество, что вы должны остаться на этой земле. То есть ваше дело здесь, в Армении. Как бы не должны уезжать. Поэтому то, как уезжают, как бы ослушание» (ПМА 2018, муж., 50 лет). Рассказы о переезде сопровождаются нарративами о наказании тех, кто ослушался божественного наказа и покинул заповеданную землю: «Все кинули, все убежали. Но сейчас все очень сильно рассеиваются. Кто в России — кто умирает, кто пропадает в мир. Наверное, все равно как за ослушание. Бог сказал, что не надо уходить» (ПМА 2018, жен., 35 лет).

У каждой семьи есть родственники за границей, поэтому истории о возмездии хоть и встречаются, но обычно их тональность не столь категорична. Гораздо чаще молокане объясняют свое желание оставаться в Армении не страхом Божьим, а привычкой и удобством: «Я приехал на север, год отработал на Крайнем Севере в Заполярье. Везде русский язык, все свое. Но когда с самолета сошел и услышал армянскую речь, я говорю: “Уфф! Я дома”. Я русскоязычный, армян нет у меня, никакой примеси. Это никак не вычеркнешь» (ПМА 2018, муж., 44). «Как считается — если несколько поколений похоронил в этой земле — значит это уже твоя родина» (ПМА 2018, жен., 56 лет). Многие делали попытки переехать в Россию, но не получалось обустроиться, не нравилось пристальное внимание к необычным религиозным обычаям (ПМА 2019, жен., 1958 г. р.), опасались риска смешения («мы несмешанные люди среди армян») и отхода от веры. Кто-то ссылается на «закавказское воспитание» и собственную отчужденность к русскому (ПМА 2018, муж., ок. 45 лет). Молокане подчеркивают, что для поддержания веры и воспитания в ней детей намного легче жить в Армении — армяне безоговорочно отпускают на праздники и никак не преследуют их за религиозные убеждения (ПМА 2018, жен., ок. 50 лет).

Для многих мигрантских общин в диаспоре идея «возвращения» неважна, поскольку они перестают видеть или даже никогда не видели себя в диаспоре. Они считают себя принадлежащими к стране своего проживания, которая во многих случаях также является страной их рождения (Daswani 2013: 40). Похожие настроения можно наблюдать и у молокан. Конечно, среди них нет единого мнения, и многие уезжают из Армении, но чаще всего это связано с экономическими причинами, а не желанием вернуться на «историческую родину».

ОБОСОБЛЕННОСТЬ И ГРАНИЦЫ

Молокане много говорят о границах между собой и другими. В частности, поддерживают заключение браков внутри группы, однако рамки сильно расширились: если раньше партнера искали в пределах своей деревни, то сейчас такой порядок не соблюдается. Жениться между собой могут «постоянные» и «прыгуны», русские и мордва. Стало модно искать супруга за границей. Конечно, браки с армянами, равно как и с православными русскими, не поощряются. Но возможны и послабления, например выйти замуж за потомка молоканина, принявшего иудаизм.

Собеседники подчеркивают одновременно и свою историческую легитимность проживания в Армении, которая, как правило, не оспаривается армянами, и собственную чужеродность и непохожесть на ближайших соседей. Молокан почти нет в публичной сфере, в том числе это связано с тем, что среди них мало людей с высшим образованием, как правило, они заняты в сельском хозяйстве и рабочих профессиях. Их роль в обществе — это экзотический «другой». Исключение составляет депутат, впервые прошедший в новый парламент в 2018 г. в качестве представителя национального меньшинства. Он не самый типичный армянский молоканин хотя бы потому, что у него есть высшее образование, нерабочая специальность и амбиции⁴.

⁴ В интервью «Ноеву ковчегу» он рассказывает о себе и своем карьерном пути (Русский депутат армянского парламента 2019).

Молокане выделяются своим внешним обликом: многие мужчины носят бороды, некоторые надевают косоворотки и картузы, а на собрание — пояса. Женщины ходят в длинных юбках, блузках и платках, на собрание надевают фартуки. Армяне уже привыкли к их причудливому внешнему виду, и он редко вызывает у них удивление. Символические связи с «русскостью» присутствуют и в собрании — на стенах висят вышитые полотенца, на скамейках лежат лоскутные коврики. Во дворе одного из молитвенных домов посажены молодые березки. На праздники подают чай в самоварах, ставят чашки с глубокими блюдцами.

Запреты на употребление свинины, крольчатины и удавленины делают видимой отчужденность молокан. Неоднократно мне рассказывали о пищевом поведении на работе: мои собеседники, как правило, отказываются от употребления мяса у армян, не доверяя его происхождению, но угощаются другой едой. Они стараются покупать мясо у своих: деревенские жители заранее собирают заказы из города, когда планируют забивать скотину, и потом доставляют их «по подписке». Если мясо необходимо для ритуального «дела» посреди рабочей недели, молокане обращаются к езидам, которые при них забивают курицу, а молокане сами читают над ней молитву (ПМА 2018, муж., ок. 50 лет).

Большинство столичных жителей хорошо владеет армянским языком и регулярно им пользуется в повседневной жизни. Но при этом есть ограничения на его использование: на собраниях говорят только по-русски, домашний язык, как правило, тоже русский. Русский язык становится отличительной особенностью, хотя существуют и нарушения: мне не раз доводилось слышать, как в некоторых случаях молодежь переходила между собой на армянский язык. Молокане любят обсуждать языковую ситуацию, отмечают свой архаичный русский язык, использование армянских слов и кавказский акцент.

Говоря о советском прошлом, армяне нередко вспоминают, что молокане не участвовали в коллективных мероприятиях и, например, отказывались фотографироваться в школьный альбом. Молокане и сейчас часто игнорируют многие публичные мероприятия, в том числе детские, не празднуют дни рождения и светские праздники. Их вероучение запрещает любые развлечения и праздную веселость, в том числе танцы, игру на музыкальных инструментах, игры. Религиозные праздники отмечают только на собрании чтением Библии, беседами на богоугодные темы, пением псалмов и песен. Конечно, сейчас эти требования соблюдаются не всегда и не всеми. Впрочем, исследователи отмечают, что молодежь не исполняла в точности данные предписания и в XIX в. (Долженко 1992: 20). Из-за запрета на празднование многие молокане не ходят в гости к иноверцам и не отпускают детей в чужие дома. Молоканка рассказывала впечатления своего сына, который впервые выпросился на день рождения к армянскому однокласснику: он чувствовал себя там скованно из-за танцев, музыки, незнакомой еды (угощали пищей с колбасой) и напитков (детское шампанское) и быстро ушел.

Несмотря на то что молокане не считают место и обряд захоронения значимыми, все же они претендуют на отдельное кладбище, не желая даже после смерти участвовать в «языческих» обрядах, «потому что мы ладан не жжем, водку на могилы не приносим» (ПМА 2018, жен., 55 лет). Даже такой аргумент, как лучшее содержание кладбища, если захоронения будут вместе с армянами, не является для них весомым.

Для молокан нехарактерно миссионерство, отнесенность к вере определяется рождением, и в XX в. случаи перехода в веру фиксировались крайне редко. Поэтому с их точки зрения границы между своими и чужими сохранять достаточно легко. Исключительные случаи обращения в молоканство, как правило, были недлительны, потому что свое окружение не принимало таких перемен и затягивало назад. В одном из известных мне обращенный армянин не присоединился к крупным собраниям, а создал собственную камерную общину на несколько семей (ПМА 2018).

В ответ на мои вопросы об отношениях с армянами я часто слышала, что у каждого есть знакомые или приятели среди них, но даже с ними сохраняется дистанция: с точки зрения духовности взгляды совершенно разные. Мои собеседники хотели показать мне, что обе стороны

хорошо знают особенности друг друга в силу многолетнего соседства и почти их не обсуждают. Как сказала молоканка, «это как яблоко и груша — все хорошо, но разное» (ПМА 2018, жен., 42 года). Их вполне устраивает образ жизни, когда каждая группа живет сама по себе: «Мы в их жизнь не вмешиваемся — они в нашу жизнь не вмешиваются» (ПМА 2018, муж., 44 года).

При этом изредка кто-то из них сталкивается с «наивными» вопросами армян. Как рассказывал мне один из «постоянных» молокан, он предпочитает отвечать витиевато, например когда его спрашивают «а зачем у вас бороды?», он отвечает «а почему у вас священники с бородами?», или «Почему не едите свинину?», или «А почему у вас в жертву приносят барана или курицу, но не свинью?» (ПМА 2018, муж., около 50 лет). Повторюсь, однако, что такие расспросы встречаются нечасто.

Армянские молокане подчеркивают выгодность своего проживания с чужими соседями: именно значительные отличия в языке, традициях, религии позволяют им сохранять свои традиции. Норвежский антрополог Фредерик Барт указывал, что сохранению этнической границы способствуют социальные контакты между разными культурами: «Этнические группы сохраняются как значимые единицы лишь постольку, поскольку существует маркированное отличие в поведении, то есть постольку существуют постоянные культурные различия» (Барт 2006: 18). Страх потерять свою веру и идентичность останавливает их перед миграцией: «В России нация одна — ассимилироваться легче» (ПМА 2018, муж., 50 лет). При этом когда они все-таки уезжают, то стараются примкнуть к уже существующей общине, чаще всего в Ставропольский или Краснодарский край.

КОНТАКТЫ С АРМЯНАМИ

Как бы молоканам ни хотелось представить свое сообщество изолированным и сохранившим традиции предков и верования апостолов, их жизнь сильно изменилась за последнее столетие. Они регулярно сталкиваются с армянами в повседневном взаимодействии. В Ереване дети соседей играют друг с другом и говорят на армянском языке. Даже в селе Фиолетово, несмотря на то что почти все жители молокане, магазин держат армяне, а в селе Лермонтово сегодня смешанное население, и администрация состоит в основном из армян. Школьное образование в столице в русских классах фактически означает, что хотя многие уроки проходят на русском языке, однако для получения аттестата все равно нужно сдать экзамен на армянском. Армянские обычаи проникают в молоканские дома: за столом нам предлагали лаваш, хаш и хоровац, а также сваренный в турке кофе. Конечно, ритуальные блюда — по-прежнему борщ и лапша.

Мои собеседники не раз отмечали, что их единоверцам уже не один век приходится приспособливаться к самым разным обстоятельствам. Поэтому свое проживание в иноэтничной среде они считают божественным провидением и исторической судьбой, их миссия — не роптать, всегда быть готовым к переменам и служить богу в любых условиях.

Молокане видят плюсы в проживании с иноэтничным соседом. Их устраивает консерватизм армянского общества — неприятие гомосексуальности, почитание старших, любовь к детям, гостеприимность. Мои собеседники проводили параллели между высылкой русских молокан и геноцидом армян: и те, и другие перенесли изгнания и скорбь (ПМА 2018, муж., 1963 г.р.). Местное население нередко идет им навстречу: отпускает с работы в дни религиозных праздников, с пониманием относится к тому, что дети не посещают в эти дни школу. Государственные институты разрешают официально регистрировать браки несовершеннолетним (в 15–16 лет), в то время как среди армян они не поощряются. В селе с преобладанием молоканского населения председатель сельсовета — армянин — назначил в детском саду ответственной за питание молоканку, зная пищевые особенности своих соседей (ПМА 2018, муж., 50 лет).

Армяне иногда заходят на собрание, особенно на такие ритуальные события, как похороны или помины. Очень редко заглядывают и любопытствующие, молокане не очень это приветствуют, просят удалиться, комментируя, что «это не музей» (ПМА 2019, жен., 19 лет). В селе происходит более тесное взаимодействие с односельчанами, в том числе с представителями власти — армя-

нами. Председатель села Лермонтово, армянин, рассказывал, что собрание «постоянных» приглашает его на моление, когда у них какое-то «дело» — праздники, свадьбы, похороны, а прыгунские общины — нет (ПМА 2018, муж., 50 лет).

Волей-неволей армянские молокане оказываются вовлечены и в национальные конфликты: они проходят срочную службу в Нагорном Карабахе⁵, также не имеют возможности въезжать на территорию Азербайджана и поддерживать там общение с молоканами. Разумеется, в собраниях в России, например в Москве, армянские и азербайджанские молокане посещают одно и то же богослужение.

В армянском обществе, как и во многих других постсоветских странах, наиболее острыми межэтнические отношения стали в период перемен — распада Советского Союза и карабахской войны. Говоря о 1990-х, обычно упоминают смену настроений и волну дискриминации, однако молокане крайне неохотно рассказывают чужому о любых притеснениях, оправдывая какие-то пережитые сюжеты тем, что это исключительный случай или что неприятие другого — универсальная черта, свойственная многим народам. Даже рассказы о случаях вербальной агрессии в очередях или отказе в продаже хлеба в период острого дефицита шли параллельно с упоминанием, что кто-то из армян вступался в конфликт, защищая молокан (ПМА 2018).

Вообще в исследуемом сообществе часто ссылаются на нелегкий удел молокан и на то, что гонения для них не новое явление. Хотя сейчас никакого давления на себе они не испытывают, пресвитер одной из общин заметил, что никто не знает, что будет завтра, нужно быть готовым к тому, что все изменится и начнутся новые преследования за веру (ПМА 2019, муж., 1949 г.р.). Такое высказывание вовсе не означает, что он видит какие-то предпосылки к появлению конфликта. Для молокан, а особенно «прыгунов», характерны эсхатологические ожидания (Никитина 2016), поэтому упоминания конца света и предстоящей расплаты за грехи встречаются на каждом собрании.

Армяне отзываются о молоканах как о хороших и надежных работниках, порядочных и чистоплотных людях. Их религиозную принадлежность знают и удивляются, когда туристы из России первый раз слышат о такой группе и спрашивают: «Это что, сектанты какие-то?» Стереотипный образ молокан примерно такой: у них крепкие семьи, запрещены разводы, они не употребляют алкоголь, не едят свинину, женщины носят платки, а мужчины — бороды. Нередко вспоминают и «молоканскую капусту» (квашеную), которой многие годы торговали жители сел, а сегодня этот промысел стал невыгодным и значительно упал. Историк Николас Брейфогл отмечает, что коренные народы (в нашем случае армяне) взаимодействовали чаще с сектантами, чем с официальными властями, поэтому именно они репрезентировали для местного населения Россию и русских (Breifogle 2005: 212). До сих пор в глазах армян русское население — это молокане (Золян 2013).

В то же время армяне, как правило, не слишком хорошо разбираются и в религиозных обычаях молокан, и в исторических обстоятельствах, приведших их в Армению⁶. Например, они не знают о том, что молоканство неоднородно⁷ и его последователи отмечают разные праздники. Как мне говорил один из «постоянных» молокан, он так же, как и его коллеги-«прыгуны», не выходит на работу в дни «прыгунских» праздников, чтобы не смущать работодателей и не объяснять отличия среди «своих» (ПМА 2018, муж., ок. 50 лет).

На одном из домашних застолий мне рассказывали, что в городе Севан, когда-то заселенном молоканами, их осталось так мало, что знакомая армянка молится о сохранении молоканской общины. Она считает, что когда-то их вымолили молокане, а теперь настал черед армян молиться за молокан (ПМА 2018, жен., ок. 55 лет).

⁵ Так, в военном конфликте в Нагорном Карабахе в сентябре-ноябре 2020 г. погибли два молоканина, проходивших в это время срочную службу в вооруженных силах Армении.

⁶ Мне доводилось слышать разные версии: от изгнания при Екатерине II до сталинских репрессий. Вместе с тем многие молокане тоже плохо осведомлены о своей истории и часто передают набор клишированных историй о том, как их выслали на Кавказ Екатерина и как их предки шли туда пешком.

⁷ Большинство армянских молокан в настоящее время — это «прыгуны». Например, в Ереване пять «прыгунских» собраний и только одно — «постоянных».

СЕТЕВОЕ ТРУДОУСТРОЙСТВО

Одна из сфер тесного контакта с армянами — это работа. При этом большинство молокан задействовано в нескольких профессиях: мужчины заняты ремонтом квартир, стройкой или работают на технике (тракторы, экскаваторы), а женщины — домработницы. Почти всегда они находят работу через сети единоверцев — друзей и родственников. Молокане формируют свои неформальные строительно-ремонтные бригады. Работодатели, как правило, армяне. Для армян наличие домработниц-молоканок — показатель престижа и достатка (Muradyan 2016: 77). Интересно, что эту нишу занимают также пятидесятники и Свидетели Иеговы, которые не хотят по разным причинам работать на государство или ощущают скрытую дискриминацию со стороны работодателей (Muradyan 2016: 75). Однако молокане оказываются все же более предпочтительными, так как от них не ожидается навязчивое миссионерство. Репутация честных и преданных работников вместе с отсутствием страха обращения приводит к более высокой стоимости молоканского труда.

«Этническая экономика», характерная и для молокан Армении, описывается исследователями, когда говорят о вовлеченности иммигрантов в один бизнес-сектор в пределах этнического анклава. В таком случае возникает экономическая ниша, связанная с одной этнической группой, часто с общим языком, культурой и религией, представители которой предпочитают нанимать работников из своей среды (Toussaint-Comeau 2012: 74–75). В нашем случае не только молокане выбирают в качестве коллег своих единоверцев, но и принимающее сообщество желает иметь молоканскую бригаду, ожидая от нее добросовестно и в срок выполненную работу. Разумеется, те же ремонтные работы часто требуют дополнительных специалистов и молокане привлекают армян, но костяк, как правило, состоит из своих. Женщины, рассказывая о своих «хозяйках», упоминают, что говорят с ними на русском языке, нередко едят за одним столом и пользуются полным доверием.

Социологи и экономисты указывают, что самозанятость среди этнических меньшинств может быть связана как с «выталкивающими», так и с «притягивающими» факторами. В одних случаях армянские молокане и протестанты вынуждены работать неофициально из-за сложностей с трудоустройством, в других — они пользуются им как самым легким и хорошо оплачиваемым способом заработка (Toussaint-Comeau 2012: 77). Задействовать этноконфессиональный ресурс оказывается выгодным в армянском обществе, где молокане заранее могут договариваться о более высокой оплате труда. В то же время для многих молокан-горожан, получивших образование еще в Советском Союзе, игнорирование их компетенций и навыков и вписывание в ряды низкоквалифицированных кадров кажется обидным. Они вынуждены пользоваться отведенной им нишей, потому что не могут найти работу по специальности, но недовольны тем, что их человеческий капитал никак не используется. Не раз в беседах упоминалось, что эмигрировавшим в Россию, США или Австралию молоканам удалось сделать карьеру, которой они не смогли бы добиться в Армении, где их профессиональная ниша — это уборка, а дороги в высшие слои закрыты. Правда, в продолжение этого нарратива собеседники нередко добавляют, что так было и в советское время, когда отказ вступать в комсомол и партию означал и невозможность построить карьеру. А более осведомленные собеседники ссылаются еще на царскую эпоху, когда молоканам отводились сельскохозяйственные или рабочие профессии, поскольку они отказывались принимать государственную религию (ПМА 2018).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Роджерс Брубейкер рассматривает этнические идентичности скорее как конструкты, предлагая отказаться от изучения этнических групп и «сосредоточиться на практических категориях, ситуативных действиях, культурных идиомах, когнитивных схемах, дискурсивных фреймах, институциональных формах, политических проектах, случайных событиях и изменчивой групповости» (Брубейкер 2012: 60). В молоканском сообществе мы видим устойчивую категорию

жестких границ между двумя сообществами и совершенно разным набором ситуативных действий. Несмотря на популярные нарративы о строгих нравах молокан, их изоляции и двух параллельно существующих мирах, по моим наблюдениям, они довольно тесно вплетены в постсоветское, в том числе армянское, общество. Есть как примеры эксцесса — переход в молоканство и межэтнические браки, так и множественные ситуации повседневного взаимодействия, размытые представления о родине этноконфессионального меньшинства и профессиональное сотрудничество.

В то же время присутствие в чужом этническом большинстве объясняет позицию невмешательства, когда остается ощущение, что любые изменения, будь то смена власти или война в Карабахе — внутренние дела других. Единственное, что остается делать — это молиться и адаптироваться к меняющимся обстоятельствам: «Опять просим Бога, чтобы он дал им на сердце страх, чтобы они умели править этой страной. Чтобы был мир. Наша обязанность — просить. А так что мы пойдем там воевать с ними — от этого ничего не будет. Мы стараемся не лезть. Лучше в своей комнате сядешь, помолишься, наверное, лучше будет для них» (ПМА 2018, жен., около 35 лет).

При этом, несмотря на вписанность в армянское общество, они, по сути, составляют трансграничное сообщество. Это хорошо ощущается, когда слышишь их разговоры — обсуждение цен на продукты перемежается рассказами о свадьбе родственников в Ставропольском крае, марках российских автомобилей и историями об условиях работы в Австралии. В разной мере молокане поддерживают отношения с единоверцами в других странах, по сетям заключают браки, навещают родственников и друзей. В общине нередко бывают гости-единоверцы из других стран, которые передают поклоны, а иногда оказывают материальную помощь армянскому собранию. Почти у каждого участника собрания есть родственники, проживающие как в России, так и в Австралии и США. Впрочем, это типично и для армян.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ПМА 2018 — Полевые материалы автора. Экспедиция в Армению (Ереван, с. Фиолетово, с. Лермонтово), май, сентябрь 2018 г.

ПМА 2019 — Полевые материалы автора. Экспедиция в Армению (Ереван), октябрь 2019.

Алексеевский М. «Еврейский характер» в этнокультурных стереотипах жителей Латгалии // Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии. Материалы экспедиций 2011–2012 гг. / отв. ред. С. Амосова. М., 2013. С. 19–35.

Андреева Ю. О. Роли антрополога в полевой работе с религиозным сообществом в Армении (этнографические заметки) // Кавказ: перекресток культур. Вып. 2. СПб., 2018. С. 210–231.

Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий: сб. статей. М., 2006. С. 9–48.

Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012.

Вишневский А. Г. Распад СССР: этнические миграции и проблема диаспор // Общественные науки и современность. 2000. № 3. С. 115–130.

Долженко И. В. Хозяйственный и общественный быт русских крестьян Восточной Армении (конец XIX — начало XX в.). Ереван, 1985.

Долженко И. В. Религиозный и культурно-бытовой уклад русских крестьян-сектантов Восточной Армении (XIX — начало XX в.) // Духоборцы и молокане в Закавказье. М., 1992. С. 7–25.

Духоборцы и молокане в Закавказье / отв. ред. В. И. Козлов, А. П. Павленко. М., 1992.

Золян С. Русский язык в Армении // Русский язык зарубежья. СПб., 2013. С. 61–84.

Исмаил-Заде Д. И. Русское крестьянство в Закавказье (30-е годы XIX — начало XX в.). М., 1982.

Никитина С. Е. Сотворение мира и концепт исхода/похода в культуре молокан-прыгунов // От бытия к исходу. Отражение библейских сюжетов в славянской и еврейской народной культуре. М., 1998. С. 220–230.

Никитина С. Е. Конфессиональные культуры в их территориальных вариантах (проблемы синхронного описания). М., 2013.

Никитина С. Е. Сотериология конфессиональных групп в призмe этноконфессиональной лингвистики // Язык, сознание, коммуникация. Сборник научных статей, посвященных памяти В. Н. Телия. Вып. 53. М., 2016. С. 266–284.

Результаты переписи населения 2011 г. Республики Армения (показатели Республики Армения). URL: <https://www.armstat.am/file/doc/99484908.pdf> (дата обращения: 27.10.2020).

Русский депутат армянского парламента: для меня и русский, и армянский языки родные // Ноев ковчег. 2019. № 4 (315). URL: <https://noev-kovcheg.ru/mag/2019-04/6519.html> (дата обращения: 21.11.20).

Савельева Н. М. Духовная музыкальная культура молокан. Исследование, нотные примеры. М., 2015.

Breyfogle N. B. Heretics and Colonizers: Forging Russia's Empire in the South Caucasus. Ithaca, 2005.

Brubaker R. The "diaspora" diaspora // *Ethnic and Racial Studies*. 2005. № 28 (1). P. 1–19.

Cohen R. Global Diasporas. An Introduction. London; New York, 2008.

Daswani G. The Anthropology of Transnationalism and Diaspora // *A Companion to Diaspora and Transnationalism* / ed. by A. Quayson, G. Daswani. Oxford, 2013. P. 29–53.

Melkumyan H. "Elites" Between Nationalism and Tradition: The Modernization Processes in the Yezidi Community of Armenia // *Elites and "Elites": Transformations of Social Structures in Post-Soviet Armenia and Georgia* / ed. by Y. Antonyan. Yerevan, 2016. P. 175–195.

Medda-Windischer R. Old and New Minorities: Diversity Governance and Social Cohesion from the Perspective of Minority Rights // *Acta Univ. Sapientiae, European and regional Studies*. 2017. № 11. P. 25–42.

Michna E., Warمیńska K. Introduction // *Identity Strategies of Stateless Ethnic Minority Groups in Contemporary Poland* / ed. by E. Michna, K. Warمیńska. Cham, 2020. P. v–xviii.

Muradyan H. Elitist Sub-Groups among the Non-Elite: Domestic Staff in Elitist Families // *Elites and "Elites": Transformations of Social Structures in Post-Soviet Armenia and Georgia* / ed. by Y. Antonyan. Yerevan, 2016. P. 70–88.

Toussaint-Comeau M. Ethnic Social Networks and Self-Employment of Immigrant Men in the US // *Eastern Economic Journal*. 2012. Vol. 38, № 1. P. 74–98.

Quayson A. and Daswani G. Introduction — Diaspora and Transnationalism: Scapes, Scales, and Scopes // *A Companion to Diaspora and Transnationalism* / ed. by A. Quayson, G. Daswani. Oxford, 2013. P. 1–26.

NEIGHBORING THE 'OTHER': CONTACTS, NETWORKS AND BORDERS (THE CASE OF ARMENIAN MOLOKANS)

ABSTRACT. The article deals with the topic of inter-ethnic neighborhood in Armenia. Molokans or 'spiritual Christians' are a religious group that emerged in the second half of the eighteenth century in Tambov Province. In the first half of the nineteenth century, by order of Nicholas I, they were expelled from the central provinces of Russia to Transcaucasia. Today they are an ethno-religious minority. For a long time, the Molokans lived isolated in villages, which allowed them to preserve their religious and ethnic customs, language and endogamous marriages. In the twentieth century, many of them had to move to Yerevan and live not compactly in the circle of 'insiders' but within the 'outsider' society. The Molokan community is not an enclave, but they mark the borders between themselves and 'others', look for work through their networks and maintain relations with fellow believers abroad. Despite popular narratives about the strict mores of the Molokans, their isolation and two parallel worlds, they are quite closely entwined in the post-Soviet societies, including the Armenian one. The article is based on the author's field materials collected in 2018–2019 during her three trips to Armenia.

KEYWORDS: Molokans, neighborhood, sectarianism, ethno-religious minority, Armenia, Transcaucasia

JULIA O. ANDREEVA — PhD, Junior Researcher of the Caucasus Department, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia)

E-mail: julia.o.andreeva@gmail.com